Глава 37. Шурин. 1.

Император Чжоу’Ву замаскировал свою внешность. В данный момент его несравненно красивое лицо выглядело совершенно обычным, за исключением пары абсолютно потрясающих, глубоких, черных как смоль глаз. Он носил голубую рубашку тонкой выделки и блестящий нефритовый кулон на талии. С веером в рамке из белого нефрита в руках, он производил впечатление сына из богатой семьи. После нескольких дней отдыха, хотя состояние его здоровья все еще не совсем восстановилось, его тело уже не было таким хрупким.

В настоящее время он стоял у двери, сцепив руки за спиной, и слушал пронзительный голос женщины, кричащей во дворе.

– Эта девушка, Тао Хун, – твоя подчиненная? С таким острым языком и жестким поведением понять, что она один из тайных стражей действительно трудно. – Император Чжоу’Ву поднял брови.

– Так и должно быть. Если бы это было очевидно, этот субъект остался бы без работы, а Ваше смертное тело давно было бы отослано и сожжено дотла отцом и дочерью семьи Шэнь. – Умываясь, глухо ответил Ян Цзюнвей.

Император Чжоу’Ву усмехнулся. За пределами двора женский крик продолжался уже час без каких-либо признаков остановки. Наоборот, казалось, что это становится все более интенсивным. Боевая сила женщины в семье была действительно удивительной.

Стоимость этой резиденции была недешевой, и она занимала большую площадь. Это было в приданом первой жены императорского князя Ци. После того как леди умерла от болезни, эта резиденция перешла в собственность законного сына князя Ци, Ци Дунлея. Ци Дунлей изначально был товарищем по учебе Третьего принца, то есть нынешнего императора. Когда они были детьми, он сопровождал Третьего принца с утра до ночи. Его будущее должно было быть ярким, но неожиданно, когда ему было двенадцать лет, он подрался с другими товарищами по учебе и повредил правую руку во время борьбы. Когда он вернулся домой, у него не было возможности лечить травму, и он стал калекой. После этого Третий принц стал его презирать, и выгнал из дворца. Его положение наследника также было отнято и передано его младшему брату, рожденному наложницей. Ци Дунлей не выдержал удара и превратился из элегантного молодого человека в знаменитого столичного плейбоя. Он проводил свои дни в борделях и пренебрегал своими обязанностями. Из-за подстрекательства наложницы и ее сына, князь Ци находил его все более и более отталкивающим. Он выгнал его в эту резиденцию, чтобы он сам о себе заботился.

В наши дни особняк князя Ци уже давно перешел под контроль этой наложницы и ее сына, но эта наложница все еще помнила, насколько Ци Дунлей, которым когда-то все восхищались был талантлив. Искусно владеющий как пером, так и мечом, он был выдающейся фигурой. Если однажды он придет в себя и восстановит свой дух, просто основываясь на том, что он и Его Величество когда-то были друзьями, ему не составит труда отказаться от своей гордости и попросить Императора помочь ему организовать возвращение. Из-за этой возможности эта

наложница потратила много усилий на поиски великолепных женщин, которые были талантливы в интригах, и отправила их в эту резиденцию. Несмотря ни на что, они должны заманить Ци Дунлея в потворство пяти мирским желаниям и трем злым путям! Чем развратнее, тем лучше!

Пять мирских желаний и три злых пути – буддийские концепции. Пять желаний: богатство, секс, слава, еда и сон. Три злых пути относятся к пути огня (царство ада), пути мечей (царство голодных духов) и пути крови (царство животных) соответственно.

Эта девушка Тао Хун была одной из тех, кого прислала наложница. Она была не только красива, с завораживающей фигурой, но и ее навыки соблазнения были еще более пленительными. Она очень быстро стала доминирующей силой в резиденции и единственной, кто получал любовь Ци Дунлея. Если кто-то из других женщин хотел хотя бы мельком взглянуть на Ци Дунлея, им приходилось словесно спорить с ней в течение трехсот раундов. Они были так шумны, что Ци Дунлей больше не мог этого выносить, и ему приходилось появиться, чтобы стать посредником между ними.

Обладать одной красивой женщиной было удачей мужчины. Обладать двумя красивыми женщинами означало испытывать радость от того, что у него будет несколько партнеров. Обладать группой красивых женщин означало страдать от бедствий. Непрекращающийся шум в резиденции, создавал скверную атмосферу. Это фактически стало лучшей мелодрамой столицы, и неисчислимое количество людей тайно издевались над Ци Дунлеем. Поскольку эта резиденция была так хорошо известна, императорская гвардия, посланная семьей Шэнь на поиски тела Император Чжоу’Ву, даже не постучала в их дверь. Услышав, поднятый ревнивыми женщинами, шум, они вместо этого сделали крюк.

Даже если бы их собирались избить до смерти, они никогда бы не догадались, что ни на что не годный инвалид Ци Дунлей на самом деле был знаменитым Ян Цзюнвеем – командиром Тайной стражи. Более того, Тао Хун была не какой-то скандальной женщиной, а скорее преуспевающим в боевых искусствах тайным стражем. «Ян» – фамилия, дарованная императором поколениям командиров Тайной стражи. У Командира каждого поколения было две личности: одна на свету, другая в тени. Более того, положение публичной личности не было слишком низким; выше их стояли гражданские министры, а ниже – простолюдины. Их статус позволял им значительно расширить их круг общения, во-первых, для удобства выполнения своих обязанностей, а во-вторых, чтобы соответствовать поговорке «Прятаться на виду». Его искалеченная правая рука и презрение к нему Императора были прикрытием, чтобы ввести в заблуждение других.

Шум за пределами двора завершился полной победой Тао Хун. Сразу после этого послышались рыдания группы женщин, но вскоре и они затихли перед лицом едкого сарказма победителя.

Губы Император Чжоу’Ву изогнулись в улыбке. Он сказал с интересом:

– Санью такая же. Снаружи она ведет себя угрожающе, обнажая клыки, для нападения, но внутри… – Он покачал головой и слегка усмехнулся. Его черные как смоль глаза были полны нежности.

Любовная тоска Его Величества снова вернулась! – Уголки рта Ян Цзюнвея поползли вверх. В этот момент он сидел перед туалетным столиком. Открыв кучу бутылок и банок, он медленно наносил макияж на лицо. Его бронзовая кожа стала бледно-белой. Под глазами и по бокам щек у него появились глубокие тени, отчего он стал казаться совершенно подавленным. Ранее он сбрил часть своих густых черных бровей и сейчас рисовал их снова. Если бы он нарисовал их так, чтобы они были красиво наклонены вверх, он казался бы чрезвычайно героическим, а с бровями наклонными вниз, он казался совершенно некультурным.

В настоящее время Ян Цзюнвей рисовал слегка наклонные брови. Как только он закончил свой макияж, его кристально чистые глаза затуманились, невыносимо острый взгляд значительно посветлел, а прямая талия слабо обвисла. С добавлением одежды, которая была на два размера больше чем требовалось, его крепкая фигура сразу же стала казаться тоньше. Это был типичный образ тела богатого мальчика, выдолбленного четырьмя пороками.

Четыре порока: вино, секс, жадность и гнев.

Это был первый раз, когда Император Чжоу’Ву увидел его преображение. Он никак не мог объединить стоящего перед ним хамоватого мужчину с его впечатлением о Ян Цзюнвее. Присмотревшись повнимательнее, он взволнованно вздохнул:

– Ты только накрасил лицо. Очевидно, что у тебя все те же черты лица, но ты выглядишь совершенно другим человеком. Как загадочно. Санью использует макияж таким же образом. Без макияжа ее внешность, завораживающая и милая, но когда она сильно накрасится, она становится своенравной и яркой. Хаха.

Улыбаясь, он покачал головой. Выражение его лица было невероятно нежным.

Разглаживая морщинку на своем пиджаке, Ян Цзюнвей пошутил:

– Ваше Величество, Вы заметили, что в последние несколько дней на каждые три произнесенные Вами предложения, одно, несомненно, будет, связано с Ее светлостью Шуфэй?

– Правда? – Император Чжоу’Ву бросил на него косой взгляд и спросил тяжелым голосом: – Когда Чжень сможет вернуться во дворец?

– Это предложение все еще связано с Ее светлостью Шуфэй. – Губы Ян Цзюнвея изогнулись в улыбке. Увидев, что его Величество холодно искоса смотрит на него, он поспешно добавил: – Все будет готово в течение двух дней. Пойдемте, этот субъект выведет Вас посмотреть, что происходит снаружи.

Они шли не спеша, пока не добрались до самой шумной улицы столицы и не вошли в довольно роскошно оформленный ресторан. Увидев Ян Цзюнвея, менеджер ресторана быстро расплылся в подобострастной улыбке и обошел стойку, чтобы лично их поприветствовать.

– Айу, Мастер Ци, приехало Ваше почтенное «я». Пожалуйста, поднимитесь наверх! Официант, иди подай чай, чай хорошего качества!

Айу – Обычное междометие, выражающее удивление или боль.

Ваше почтенное «я» – Вежливая форма «вы».

– Если качество этого чая недостаточно хорошее, этот господин не будет пить! – Ян Цзюнвей капризно посмотрел на официанта и громко крикнул. После этого, под руководством менеджера, они вошли в отдельную комнату. Как только менеджер закрыл дверь, его подобострастное выражение лица сразу исчезло. Его сменило немного мрачное лицо. Он поклонился им обоим и сказал:

– Этот подчиненный передает привет Хозяину и командиру.

– Вставай. – Император Чжоу’Ву кивнул.

– Позови людей охранять это место со всех сторон. – Тихо приказал Ян Цзюнвей. Наконец, он вытащил серебряный слиток и бросил его в руки менеджера.

Менеджер ловко поймал его и кивнул в знак согласия. Выйдя из личной комнаты, он взвесил серебряный слиток в руке. Куда подевалось его мрачное выражение лица? Его внешность поразительно напоминала хапугу. Можно сказать, что умение быстро менять выражение лица самое важное качество тайного стража.

Официант вскоре принес свежезаваренный чайник зеленого чая Луан. Воздух наполнился слабым ароматом.

– Попробуй. Это чай сварен с росой из храма Пуду на горе Тысячи Будд. Он обладает изысканным вкусом. – Ян Цзюнвей налил Императору Чжоу’Ву полную чашку. Из чашки поднимался белый пар.

Император Чжоу’Ву поднес чашку к носу и осторожно понюхал. Наконец, он сделал небольшой глоток, затем покачал головой и сказал:

– Вода хорошая, чай хороший, однако умение заваривать чай оставляет желать лучшего. Это не может срав…

– Это не может сравниться с одной десятитысячной мастерства Ее светлости Шуфэй. – Ян Цзюнвей автоматически закончил за него фразу.

– Хорошо сказано. – Император Чжоу’Ву слабо улыбнулся.

Ян Цзюнвей скривил лицо и подумал про себя:

Его Величество не просто влюбился. Его уже не спасти!

– Семья Шэнь в последнее время предпринимала какие-либо шаги? – Император Чжоу’Ву сузил глаза, и его нежное выражение лица стало строгим.

– Эта семья была занята. Шэнь Чжунлян направо и налево подкупал чиновников и вступал в сговор с иностранными врагами, а об их плане взять армию под контроль Вы уже знаете. Помимо этого, в последнее время он заметно строже воспитывает своих сыновей, особенно Шэнь Сияня. Судя по отчету разведчика в их особняке, похоже, что они уже начали изучать искусство политики императора.

Император Чжоу’Ву поднял брови, а его тонкие пальцы продолжали постукивать по столу.

– Он пытается обучить наследного принца? Ха! Что за идиотская чушь! – Исходящее от его голоса Убийственное намерение, было почти осязаемым.

– Если бы Вы проспали дольше, планы семьи Шэнь не обязательно были бы несбыточной мечтой. В этом году Шэнь Чжунлян отвечает за осенние экзамены. Многие кандидаты уже стали его прихвостнями. Недавно он устроил Шэнь Сияня на должность заместителя имперского цензора, где он будет отвечать за проведение весенних экзаменов в следующем году. – Говоря тихим голосом, Ян Цзюнвей крутил в руке чашку.

– Это хорошая схема. – Губы Императора Чжоу’Ву изогнулись вверх, когда он предложил похвалу, но от его тона по спине распространялся озноб. – Привлекая этих кандидатов и талантов на свою сторону и устраивая для них посты, которые незаметны, но держат реальную власть, через три – пять лет семьдесят – восемьдесят процентов чиновников Императорского суда будут подчиненными Шэнь Чжунляна. Как они все еще могут искренне служить императору?

Император Чжоу’Ву раздавил чашку в руках. Медленно стряхивая порошок, он легко сказал:

– После уничтожения семьи Шэнь, осенние экзамены этого года будут отменены до следующего года. Как Чжень может быть готов использовать чиновников, которые верны только Великому наставнику Шэнь, а не Чжень?

– Не каждый кандидат зациклен на продвижении. Среди них есть несколько хороших, которые могут быть полезны. – Ян Цзюнвей поставил чашку и улыбнулся

– Дай потом Чжень список имен. В следующем году, когда мы вновь откроем осенние экзамены, если они пройдут, Чжень будет их использовать. – Подходя к окну и наклоняясь, чтобы посмотреть вниз, ответил Император Чжоу’Ву.

На улице под ними лицом друг к другу стояли два элегантно одетых в парчу юноши. Один стоял в одиночестве; он казался полным здоровья и имел высокое и внушительное телосложение. У другого была хрупкая фигура и аристократический вид; семь или восемь семейных слуг стояли за ним.

– А, это Шэнь Сиянь и твой шурин! – Подойдя вслед за Императором к окну, задумчиво заметил Ян Цзюнвей.

– Шурин? Мэн Яньчжоу? – Пробормотал Император Чжоу’Ву. Подняв руку, он сказал:

– Следуй за Чжень вниз, чтобы посмотреть.

Подумать только, при упоминании «шурин», он сразу же подумал о старшем брате Ее светлости Шуфэй – это изменение произошло слишком быстро! – Ян Цзюнвей был потрясен настолько, что потерял дар речи. Молча, он вслед за Императором Чжоу’Ву спустился вниз по лестнице. Охраняющие поблизости тайные стражи немедленно последовали за ними.

На улице Шэнь Сиянь протянул руку, чтобы преградить Мэн Яньчжоу путь.

– Ты думаешь, врезавшись в кого–то, можешь просто уйти? – холодно спросил он. От уголка его левого глаза тянулся глубокий шрам. Хотя это не повлияло на зрение Шэнь Сияня, но шрам заставил его веко слегка опуститься, что серьезно повлияло на внешность. Некогда симпатичный мальчик теперь, казалось, излучал несколько темную и жуткую атмосферу.

http://tl.rulate.ru/book/22823/1970201